

ПЕРСОНА

С дочерью.

Страна дважды узнала Юлию: когда она сыграла главную роль в фильме "Дом дураков" своего мужа Андрона Кончаловского, премированном на позапрошлом Венецианском фестивале, и когда в прошлом году стала вести кулинарную передачу "Едим дома" на НТВ. Но, несмотря на широкую известность, почти эфемерная девушка в белом прозрачном платье в квартире на Малой Грузинской разговаривает естественно и абсолютно демократично. Отвечает за свои слова. Ведь лишь благодаря череде судьбоносных случайностей Юлия кажется сказочной героиней, а на самом деле — чистое дитя времени, родного и знакомого. Ну, может быть, любимое его дитя. Но мы говорили про вечное "кухен, киндер, кирхен", а она волновалась, что снова попадет в "пробку" на своем навороченном джипе. И "железный конь" прекрасно совмещался с эфемерностью ее облика.

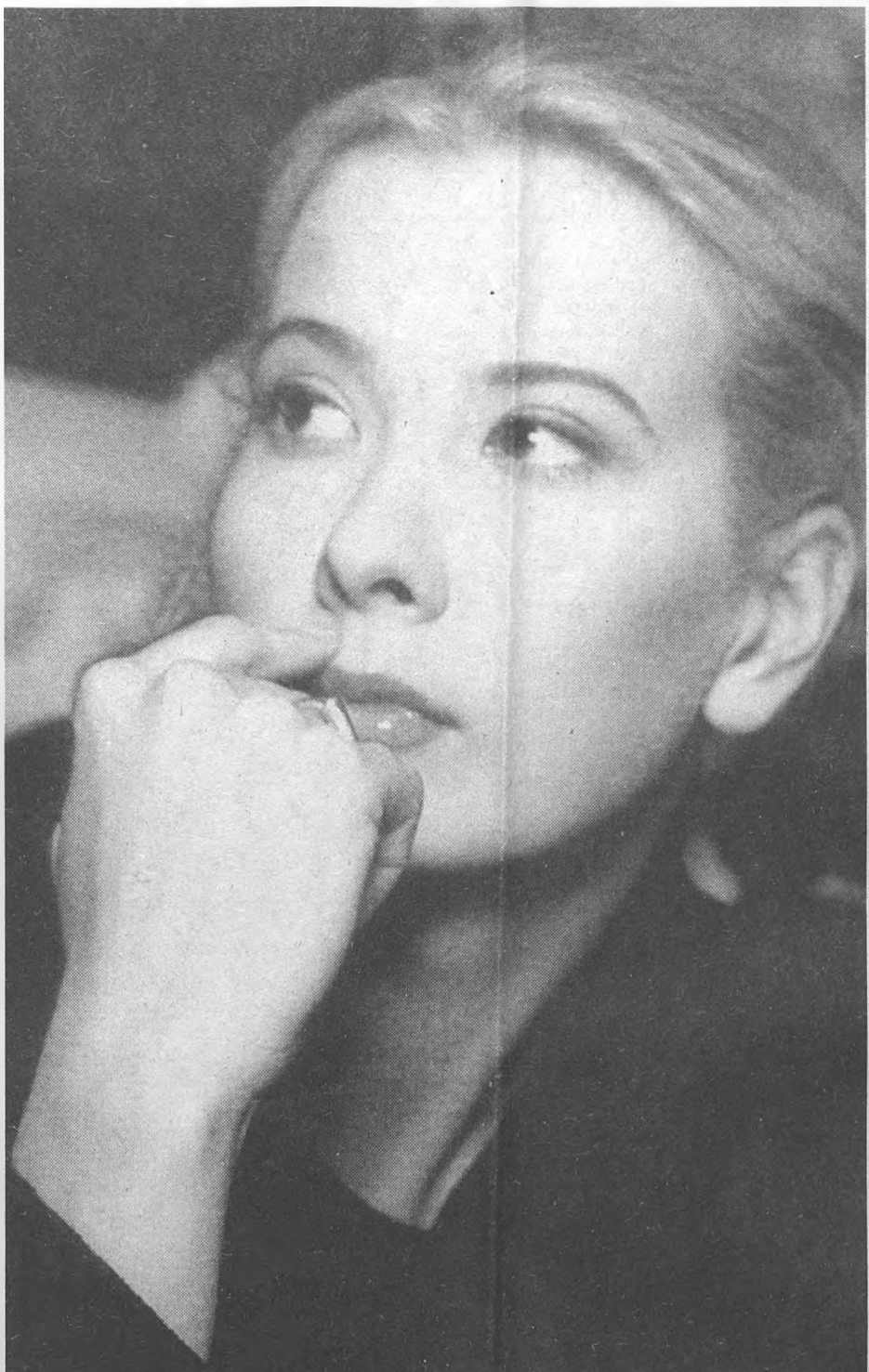
"Я все детство обожала Дядю Степу"

— Говорят, вы в последнее время живете на два дома. Зачем?
 — Нет-нет, это только летом. Мы уже несколько лет снимаем какой-нибудь дом в Италии, недалеко от Пизы. В Италии приятнее летом, чем в Москве.
 — Такой образ жизни уже обычен для вас?
 — К хорошему быстро привыкаешь.
 — У вас было счастливое детство?
 — Очень. Меня любили мама, бабушка, дедушка. Папа — связист, подполковник, у родителей не было возможности завести няню, поэтому, когда жили в военных городках без удобств и надо было зимой ходить в туалет на улице, меня отправляли к бабушке в Новочеркасск. Я сменила в детстве три города и семь школ.
 — Когда впервые попали в Москву?
 — В 14 лет, с классом из Баку приехала на экскурсию на Новый год. Я плакала от холода на Красной площади. Казалось, подошвы примерзают к булыжникам.
 — А какая у вас любимая сказка?
 — Я не люблю "Золушку" и "Спящую красавицу". Сказки Гофмана нравились.
 — Как решили пойти в актрисы?
 — Просто хотела. Были запасные варианты вроде юридического, мне очень нравился Шерлок Холмс, но меня сразу взяли на актерский — и все. А я б и не пошла второй раз.
 — Что читали при поступлении?
 — Ахматову, Чехова, еще я приготовила басню Сергея Михалкова — "Лев и ярлык". Мама послушала, сказала: "Какой ужас!" — и запретила мне ее читать.
 — Кто у вас мама?
 — Жена военного. Работала уборщицей, бухгалтером — что подвернется. По образованию она товаровед.
 — Познакомившись с Сергеем Михалковым, вы рассказали ему эту историю?

общее малоинтересен, а уж академический... Все грустно, скучно, денег мало. Не для чего было там жить такой страдальческой жизнью, в коммунальной квартире, на 70 долларов.

— Куда собирались податься?
 — Думала — в Москву, ходить по театрам, пробоваться. У меня были там какие-то приятели.
 — Как вы попали на "Кинотавр", на котором познакомились с Кончаловским?
 — С картиной покойного Михаила Пташука "Игра воображения".
 — История знакомства с мужем давно описана, и все же: на что вы рассчитывали, когда вступили в связь с пожилым женатым человеком?
 — Ни на что. В тот момент я была абсолютно одинока, ни от кого не зависела, один довольно длительный роман как раз закончился, и я была внутренне готова к тому, чтобы случился новый роман. Еще я была слегка разочарована в профессии — не совсем, но нескольких лет театра, где я с третьего курса играла Аленушку в "Аленьком цветочке", мне хватило. Нет, у нас были интересные спектакли, перенесенные из института — Ионеско, Шекспир, — но все равно возвращаться туда не хотелось. Было гораздо интереснее уехать с великим режиссером неизвестно куда, неизвестно зачем и неизвестно на сколько.

АНТИЗОЛУШКА

— Его все равно периодически не хватает. Если мы не снимаем программу, нужно постоянно собирать материал, составлять рецепты. Ведь в принципе мы работаем только вдвоем — я и режиссер, а три передачи снимаются одновременно. Неделью просидишь, прежде чем выбрать, подогнать, придумать историю.
 — Как попали на телевидение?
 — Понятия не имею. Я абсолютно вне бизнеса. Могу составить рецепт, встать у плиты и печь пирожки, а сделать, чтобы их купили, я, к сожалению, не могу.
 — О чем вы обычно разговариваете с мужем?
 — Нам в этом смысле повезло. У нас схожие темпераменты, и мне интересно все, что интересно ему. Он задает стандарты в жизни, и надо быть идиоткой, чтобы не понимать, что это очень высокие стандарты. Они всего касаются — книг, которые он читает, музыки, которую слушает. Пусть у меня в машине играет другая музыка, но все равно очень важно, чем он живет. Надеюсь, что такое положение взаимно. Кроме того, я очень люблю учиться, а уж такого трудолюбивого и вечного школяра, как он, я вообще не встречала. Вот мы уже два года вместе учим итальянский. В теннисе учимся играть, на лыжах кататься. Но я и сама по себе все время учусь готовить. А он обожает есть.

"Я ориентирована на дом"

— Как вы входили в семью Михалковых?
 — Пешком. С Сергеем Владимировичем и Юлей мы познакомились в Лондоне — они приехали, когда Андрей Сергеевич монтировал "Одиссею". Потом туда же приехали Егор с Лубой. В доме Сергея Владимировича мы познакомились с Никитой Сергеевичем и Таней, как-то так все постепенно происходило...
 — Вы с кем-то из них подружились?
 — Не так, чтобы очень, но мы все замечательно общаемся, встречаемся по праздникам — "когда у папы день рождения", "когда у Никиты день рождения". На Новый год все всегда у Никиты на даче. Правда, в прошлом году, когда Петя был маленький, только-только родился, мы в 12 часов были дома, а потом пошли туда.
 — В семье очень много киношников. Почему они вас не снимают? Егор только что с проектом запустился...
 — Спросите Егора. Может, я ему не нравлюсь как актриса. Я вообще не считаю возможным лезть с предложением собственной рабочей силы, хотя мне хочется сниматься, особенно в хорошем кино. Вот недавно младший Прошкин прислал сценарий, очень интересный.
 — Вы не планируете сосредоточиться на зарубежной кинокарьере — после "Льва зимой", снятого вашим мужем в Америке?
 — Хотела бы, но сейчас сосредоточиться, нужно жить за границей и строить там свою жизнь. Но я не карьероориентированный человек, я ориентирована на дом. Чтобы быть актрисой, нужно иметь громадное тщеславие, но и тогда ты понимаешь, на что идешь. Бывают предложения, когда можно всех оставить и уехать, но это должно быть что-то очень интересное. А в мире сейчас вообще снимается мало хорошего кино. Даже Тому Крузу, Джулии Робертс, Николь Кидман сегодня не гарантированы хорошие роли. Сейчас время спортсменов, футболистов и гимнасток — Светлана Хоркина на обложке Elle, и это, между прочим, неплохо. Это просто показатель нового времени.
 — Кого вы сыграли во "Льве зимой"?
 — Элис, любовницу Генриха Второго. Мои партнерши были Гленн Клоуз, ставшая Элеонорой Аквитанской, и Патрик Стюарт — король. Пьеса средняя, роль Элис — тоже, скажем, средняя, но мне удалось с английскими актерами сыграть ее без акцента, а это серьезный шаг. Это была адская работа. К тому же сам фильм получил шесть номинаций на "Эмми", и мы должны будем в сентябре поехать на церемонию.
 — После этого больше нигде пока не снимались?
 — В маленькую короткометражку с Алексеем Серебряковым, называется "Меня зовут Счастье".
 — В чем оно выражается?
 — В фильме оно у мужчины выражается в этой женщине, которую зовут Счастье. Она уходит, и жизнь его кончена.
 — Если останетесь без работы, будете сильно страдать по этому поводу?
 — Я не останусь без работы. Дом, дети, любовь... Чтобы все это росло, цвело и развивалось — большой труд. Если какие-то струны во мне никто не откроет и они заржавеют — да, будет обидно, но я не думаю, что умру от этого. Что-нибудь придумаю.

Юлия ВЫСОЦКАЯ: "В семью Михалковых я входила пешком"

— Конечно. Но вообще я все детство обожала "Дядю Степу". На всех высоких мужчин тогда смотрела с обожанием, сама была очень маленькая, последняя по росту в классе.
 — Вы же высокая сейчас. Спортом занимались?
 — Сначала институт принуждал — каждый день танец, сценический бой... Потом я все забросила, пока муж мне в не объяснил, что нужно жить так, со спортом, любя свое тело. Понимаете, когда чувствуешь, что можешь дольше бежать и становишься выносливее, одновременно вырабатываются гормоны счастья — эндорфины. У меня есть подруга, которую я полгода назад подсадила на физические нагрузки. Ей 38 лет, она никогда ничем не занималась, а теперь, если свои 40 минут в день не отбегает, то звонит и говорит: "У меня настроение испортилось".
 — У вас вообще всегда хорошее настроение?
 — Ну что вы! Я идиотка, что ли? Нормальный русский депрессивный человек. Но это спасибо моей маме — тут дело в хорошем воспитании. Показывать свое дурное настроение на людях, тем более на близких, — неприлично.
 — Вы что же, ни с кем не ругаетесь?
 — Еще как ругаюсь. Но только когда иначе не могу. Вот сегодня перекрыли дорогу на сорок минут, и я считаю, это такое унижение... Мне сразу хочется уехать из страны. Понимаете, я все осознаю про наше правительство, про его ответственность, про то, что им надо ездить по городу, в котором не очень хорошие сообщения, и все такое. Но нельзя изо дня в день издаваться над простыми людьми, сидящими в своих "Жигулях", где нет кондиционера, а их на сорок минут запирают — и ни туда, ни сюда. Хамство. Они же потом разъедутся и всю свою злобу разнесут на других.
 — Пожив в разных странах мира, вы стали такой же космополитичной, как ваш муж?
 — Думаю, даже больше, чем он. У него все-таки была всегда малая родина — мамин дом, Николина Гора. Он любит Москву, Питер, а я не очень. За серыми обшарпанными питерскими стенами мне трудно сегодня разглядеть красоту, о которой он рассказывает. Кроме того, у меня никогда не было малой родины, мы все время передвигались. Мое детство — оно расеянное. Вот мы с Ирой Розановой говорили, и она: "Не могу, не могу, в России я расцветая душой". А у меня этого нет, в этом смысле я — нерусская.
 — Мне человек подарил Лондон, Париж, Италию"
 — Как вы планировали свою жизнь до знакомства с мужем?
 — У меня были абсолютно четкие планы. Я работала в Национальном академическом театре имени Янки Купалы в Минске, была весна, и я знала, что продержусь там до осени, а дальше, если ничего само собой не случится, сделаю оттуда ноги. Белорусский театр сегодня во-

С мужем.

— Он вас сразу в Англию позвал?
 — Сначала в Турцию, а дальше все решилось самой собой.
 — Вы никогда не задумываетесь — почему?
 — Я до этого несколько раз последовательно делала в жизни выбор, и в итоге все сошлось. Сначала, в институте, ушла от мамы, стала жить сама. Потом с моего курса на другой ушла самая лучшая преподавательница, мне стало скучно, я сделала себе фиктивный академический отпуск и снова попала на ее курс. На своем прежнем я была звездой, а тут стало очень сложно, я к ним еле пришла, зато все они были очень талантливые. Потом я делала популярную передачу на телевидении — "Бездельник", по-белорусски "Абибок", благодаря чему зимой 96-го года меня взяли на фестиваль "Лики любви". Там я не победила, однако подружилась с девочками из "Кинотавра". Они и пригласили меня на фестиваль.
 — В "Возвышающем обмане" у Кончаловского написано, что он впервые увидел вас в лифте гостиницы "Жемчужина". А вы когда его увидели впервые?
 — В лифте.
 — Когда он про вас писал, то советовался, показывал?
 — Да нет, я вообще к этому отношусь как к художественной литературе, не воспринимаю на личный счет. Захотелось ему так написать — ну и хорошо.
 — Если учесть, что вся книжка посвящена его личной жизни, пусть даже беллетризованной, вам после ее выхода в 99-м году пришлось выдержать тяжелый натиск любителей? — Мне повезло, у меня не было связей в Москве. Я здесь была совершенно оторвана от общественной жизни. Но нет, конечно, сначала бывали какие-то звонки от женщин с прямым вопросом "А сколько вам лет?" и все в таком же духе. Но как раз этих женщин, у которых с моим мужем были отношения, я очень хорошо понимаю и отношусь к ним с какой-то солидарностью. Ведь если была любовь, было что-то хорошее, доброе, светлое, а потом вдруг закончилось — очень не просто вынести, что другой человек занял твое место и все вроде бы неплохо. Лучше пусть "он" будет одинок и грызет ногти по ночам, либо пусть "она" будет сволочь, и так ему и надо. Поэтому я им отвечала: "Извините, к сожалению, мне не 45 лет".
 — Из Сочи вы сразу уехали за границу?
 — Да, почти на четыре года. Сюда если возвращались, то только на пару недель. Мы ведь и поженились осенью 98-го, чтобы мне проще было ездить. Довольно тяжело с русским гражданством и белорусской пропиской. Чтобы получить американскую визу, надо было ехать в Минск и собирать справки.
 — Пока не поженитесь, неужели не переживали, что в один черный день тоже все может кончиться?

— Ой, вы знаете, у меня столько примеров, когда люди живут и любят друг друга не расписываясь, и наоборот, когда играют бесконечные свадьбы в белом платье и ничего не получается... Что касается меня, мне было все равно — когда, чего... Я ведь была не "при нем", я "с ним" была все это время. Но если, с другой стороны, представить, что я бы осталась в Минске и еще лет пятнадцать играла Аленушку или даже переехала бы в Москву и меня взяли бы, допустим, в "Современник", в "Ленком" — ну и что? Думаете, московская жизнь намного отличается от минской? Здесь только чуть больше тусовок, которые не несут ничего, кроме опустошения. "Здрасьте-здрасьте, как дела, все хорошо, о, вы прекрасно выглядите". Что это дает? А мне человек подарил Стамбул, Лондон, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Париж, Италию. Я не по книжкам, я наяву узнала и поняла, что просто бывает другая жизнь. Ходила по Лондону и была счастлива, что по Лондону хожу. Готово была работать официанткой. Сначала, между прочим, не взяли — у меня был плохой английский, а когда выучила, повезло — поступила в театральную школу.
 — В стране такой момент... Мне не очень комфортно"
 — Правда, что перед съемками "Дома дураков" вы два месяца прожили в сумасшедшем доме?
 — Да, только там нельзя было ночевать. Я приезжала в шесть утра и уезжала в пять вечера. Мыла, убирала, кормила тех, кто не может есть. Тяжело было первые несколько дней — запах, еда и все время проецируешь чужое страдание на себя... Но потом они меня приняли, и я вообще перестала замечать какие-то вещи.
 — У вас тогда уже был ребенок?
 — Маше было два года. Она оставалась с няней, и все было хорошо. Если б плохо, я бы, конечно, ее не бросила.
 — Двое ваших детей родились за границей. Какой у них родной язык?
 — Петя пока и по-русски не говорит, а Манька — немножко по-французски. Она французская гражданка, как и ее папа, год отходила во французскую школу — при посольстве, там начинают учиться раньше, с трех лет. Язык, конечно, надо давать с детства. Маша начала играть в теннис в Италии, и теперь у нее все термины — только итальянские: "одестра", "синистра"... Это для нее абсолютно осязаемые слова, она их не переводит, в отличие от меня.
 — Вы хотите, чтобы ваши дети всю свою жизнь прожили в нашей стране?
 — Я бы хотела, чтобы у них был родной дом — как у Андрея Сергеевича. Но сейчас в стране такой момент... Мне не очень комфортно. Все богатство — какое-то стыдное, а бедность — ужасающая. Жалко людей.
 — Надеетесь, что станет лучше?
 — Нет.
 — Насколько я знаю, у вас есть няня, домработница, коллега-повариха. Куда вы деваете свободное время?